

Система ценностей и её роль в процессе постижения смысла в произведении Л.Н. Толстого «Дьявол»

Беляев Кирилл Игоревич¹

¹МГУ им. М.В. Ломоносова, ИМЛИ РАН, Москва, Россия

¹Email: lightlukas2104@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Рассматривается природа и уровни реализации ценностной системы художественного произведения; показывается новый подход, который демонстрирует, что эстетическая ценность обладает той же формой реализации (субъект-субъектной), что и процесс смыслопостижения. На основании этого приводится ряд свойств, сближающих категории смысла и ценности: направленность на встречу, потенциальность, интересубъективность, взаимообусловленность. Автор выделяет сферу дифференциации этих категорий, которая лежит в области их онтологизации и проистекает из природы «сокрытости» смысла и невозможности его полного понимания, в то время как ценность «открыта» для полного восприятия. На материале повести Л.Н. Толстой «Дьявол» иллюстрируются теоретические выводы. Рассматриваются ценностные системы персонажей повести, их влияние на аксиологию воплощенного субъекта, а также на процесс постижения смысла повести Толстого.

Ключевые слова: аксиология, герменевтика, ценность, смысл, понимание, диалогичность, воплощенный субъект.

The Value System and its Role in the Process of Comprehending Sense in Leo Tolstoy's "The Devil"

Kirill I. Beliaev¹

¹MSU, IWL RAS, Moscow, Russia

¹Email: lightlukas2104@yandex.ru

ABSTRACT

The nature and levels of realization of the value system in an artistic work are discussed. A new approach is proposed that demonstrates that aesthetic value has a similar form of realization as the process of comprehending meaning. Based on this, several properties are identified that bring the categories of meaning and value closer together, such as orientation to meeting, potentiality, intersubjectivity, and interdependence. The author identifies the area of differentiation between these categories, which lies in their ontologization and stems from the nature of "concealing" meaning and the inability to fully understand it, while value is "open" to full perception. Theoretical conclusions are illustrated through the analysis of L.N. Tolstoy's work "The Devil". The article examines the value systems of the characters in the story, their impact on the axiological framework of the embodied subject, and on the process of understanding the meaning of Tolstoy's work.

Keywords: axiology, hermeneutics, value, meaning, understanding, dialogicity, embodied subject.

Одна из составляющих природы литературного произведения – ценностная, охватывающая художественный текст на нескольких уровнях. Исследователь А.В. Филатов выделяет три уровня реализации ценностей в произведении: микроуровень (ценностная система внутри художественного мира), макроуровень (ценность текста в рамках конкретной культуры), мезоуровень (система ценностей писателя) [1]. В рамках нашего исследования рассмотрим лишь первый уровень, а также его взаимодействие со смыслом художественного произведения, так как именно этот уровень в большей степени влияет на смыслопостижение.

Для сопоставления двух систем (аксиологической и герменевтической), реализующихся в рамках художественного произведения, рассмотрим природу каждой из них.

Согласно распространенному представлению, ключевая особенность функционирования эстетической ценности заключается в осуществлении динамических субъект-объектных отношений в процессе чтения. Так, В.В. Кожин пишет: «Высота художественной ценности определяется не значительностью “объекта” и “субъекта” произведения, но значительностью самой их “встречи”, воплощенной в произведении» [2].

В то же время процесс понимания, как и процесс реализации эстетической ценности, является динамическим, но вместе с тем обладает субъект-субъектной формой реализации. Связано это с диалогической природой процесса смыслопостижения: диалог происходит между понимающим и воплощенным субъектами, встреча которых инициирует постижение художественного смысла.

Вместе с тем ценность и смысл находятся в тесном взаимодействии, причем одно не может в полной мере существовать без другого: смысл произведения уже составляет его главную ценность, а ценность, в свою очередь, способствует «высвечиванию» смысла, поскольку проявляется в виде аксиологической системы воплощенного субъекта. Это позволяет нам скорректировать представление о природе отношений между воспринимающим субъектом

и ценностью произведения: они так же, как и в процессе понимания, носят субъект-субъектный характер.

Однако объединяет аксиологию с герменевтикой не только природа отношений между субъектами, но и их основные категории «смысла» и «ценности». Можно выделить следующий ряд сближающих свойств: направленность на встречу, потенциальность, интерсубъективность, взаимообусловленность.

Направленность на встречу: в приведенной ранее цитате В.В. Кожина указывается на реализацию ценности в момент «встречи», которая возникает между воспринимающим и воплощенным субъектами. Здесь необходимо добавить, что оба субъекта находятся в динамическом движении, направленном друг к другу, в ходе которого происходит постоянная проверка ценностных систем субъектов. Эта динамическая проверка и ведет к «встрече», в момент которой постигается, понимается и принимается ценностная система воплощенного субъекта. Аналогичный процесс происходит при постижении смысла художественного произведения: воспринимающий субъект движется в направлении к воплощенному субъекту, постоянно «пробрасывая» (т.е. предугадывая его, исходя из горизонта ожидания) смысл, подвергая его проверке и корректировке в ходе чтения произведения. В момент «встречи», когда оба субъекта в полной степени открыты для понимания друг друга, происходит наибольший «ответ» смысла, который и постигается воспринимающим субъектом. И аксиологическая проверка ценностных систем, и герменевтическая проверка «набросков» смысла происходят симультанно и нераздельно.

Потенциальность. Л.Ю. Фуксон связывал понятие смысла с категорией символа: «смысл, открываемый в бытии и не отрываемый от бытия, есть символ» [3]. Символичность – неотрывная особенность художественного произведения, которая проявляется как в языковой плоскости, так и на уровне художественной композиции текста. С.С. Аверинцев указывал на факт многослойности смысловой структуры символа, для постижения которого необходима активная работа воспринимающего [4]. Действительно,

символ и символичность как процесс реализации и функционирования в художественном произведении наделяют текст семантической и смысловой многослойностью. При этом восприятие субъекта, направленное на постижение символа, не останавливается лишь на внешней стороне символа, которая несет зачастую лишь знаковую функцию; восприятие всегда проникает внутрь формы, постигая те слои смысла символа, которые существуют в нем. Причем важным здесь является тот факт, что некоторые знаки являются окказиональными, а некоторые – конвенциональными, а потому более очевидными. Можно говорить о том, что в художественном произведении происходит сплетение двух видов символов, а их соотношение, корреляция, изменения, взаимоотношения, функционирование, роль в тексте позволяют нам говорить о большей художественности, а следовательно, и о художественно-содержательном потенциале. Этот потенциал можно свести к тому, насколько текст предрасположен к существованию и взаимодействию в нем различных символов: чем их больше (причем и первых, и вторых), чем сложнее между ними взаимоотношения, чем более остраненно использует их художник, тем больше возможностей у интерпретатора для их толкования, а следовательно, тем сложнее и глубже постичь смысл произведения. Усложнение, укрупнение художественно-содержательного потенциала произведения говорит о более сложной художественной структуре смысла произведения. Однако этот потенциал также указывает и на более сложную реализацию ценностной системы произведения, сложность которой связывается не только с постижением этой системы, но и с наличием большего количества таких систем, носителями которых являются различные герои произведения, являющиеся выразителями аксиологии воплощенного субъекта.

Интерсубъективность. Данная характеристика смысла вытекает прямым образом из диалогической природы постижения смысла и ценностной системы художественного произведения. Как писал Ю.В. Подковырин: «Смысл художественного произведения в свете такого подхода изучается как феномен, возникающий на пересечении бытийных путей

героев, автора и реципиента» [5]; на это же указывает и В.И. Тюпа: «всякий смысл интерсубъективен» [6]. Эта интерсубъективность проявляется в том факте, что смысл онтологизируется благодаря наличию движущихся друг другу на встречу бытия воспринимающего субъекта и бытия воплощенного субъекта. Об этом же писал Бахтин: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего» [7]. Смысл ввиду своей интерсубъективной природы «открыт множественности сознаний» [7], а следовательно, в этой множественности и проявляется. Аналогичным образом онтологизируется и эстетическая ценность художественного произведения. Как мы уже указывали, природа ее реализации носит субъект-субъектный характер, однако здесь необходимо добавить, что ценностная система воплощенного субъекта включает в себя аксиологию всех персонажей художественного мира. Именно из взаимодействия всех этих систем и проверки аксиологии воспринимающего субъекта с ценностями персонажей рождается интерсубъективность эстетической ценности.

Взаимообусловленность. Ценность и смысл произведения находятся в тесном взаимодействии, причем одно не может в полной мере существовать без другого: смысл произведения наделяет его ценностью сам по себе, но смысл при этом – главная его ценность. Для воспринимающего субъекта сложным является процесс дифференциации постижения смысла произведения от его оценивания, ибо эти процессы происходят симультанно, неразрывно, дополняя и обогащая друг друга.

Тем не менее дифференциацию между смыслом и ценностью можно провести в их способности открытости и закрытости перед воспринимающим субъектом: смысл является центром бытия художественного произведения, на которое направленно все его существование. Этот центр реализуется в фигуре воплощенного субъекта, который является сконцентрированной сущностью выражения и явления смысла миру, возможностью направленности его к встрече с

воспринимающим субъектом. Зависимость художественного произведения от смысла прямая: произведение наделяется художественностью непосредственно благодаря смыслу, а смысл существует благодаря выражению его в художественности. Смысл не существует в бытии произведения как константа, как некий факт или явление; он является процессом постоянного скрывания и высвечивания себя постигающему субъекту. Именно такая, некоторым образом, парадоксальная и двойственная природа смысла обуславливает его онтологизированность и возможность быть постигнутым. Но вместе с пониманием движется и непонимание, а потому смысл не может быть постигнут. Непостижимость – важное условие его онтологизации, ибо полностью исчерпывающий себя смысл, которому больше нечего скрывать от воспринимающего субъекта, перестает быть таковым, а значит, и останавливается его онтологизация в произведении. Ценность, в свою очередь, всегда открыта воспринимающему субъекту в той или иной степени, она может быть скрыта за «многослойностью» [8], однако сокрытость не является условием существования ценности как таковой, ибо только в открытости она онтологизируется в произведении. Именно в этой области и проходит дифференция смысла и ценности.

Таким образом, в процессе диалогического общения двух субъектов возникает не только «встреча» со смыслом, но и проверка ценностных систем двух субъектов. Оба процесса ведут к онтологизации смысла и ценности в рамках художественного произведения. Рассмотрим введенное соотношение «смысл – ценность» на примере повести Л.Н. Толстого «Дьявол».

На микроуровне произведения наблюдается столкновение двух ценностных систем – центральной, свойственной главному герою (порядочность, духовность), и анти-ценности «дьявола» (греховность, похоть), осуществляющей интервенцию в жизнь Иртенева. Причем на уровне повествования можно явно наблюдать факт «внедрения» антиценностей в жизнь героя: все действия, которые совершает Евгений, происходят не по собственному желанию: «но как будто нарочно,

<...>, он, подъезжая к церкви, стал встречать народ, шедший и ехавший оттуда»; «Евгений, как будто по чьей-то чужой ему воле, оглянулся и пошел к ней»; «по несчастной ли случайности или нарочно, только он вышел на крыльцо, из-за угла вышла красная панева и красный платок и <...> прошла мимо него»; «”Эта вышла, и придет та, Степанида – одна”, – вдруг начал в нем рассуждать кто-то» [9]. Интересен в этом отношении и сам образ Степаниды: яркой чертой ее портрета являются черные глаза, пленяющие главного героя; они также могут ассоциироваться у читателя с таинственными темными силами; важной чертой одеяния героини является красный цвет – цвет страсти и огня. Весь облик Степаниды говорит о том, что она является носителем антиценностей, которые не являются врожденными для Иртенева.

Борьба двух систем позволяет читателю не только соотнести их с собственной аксиологией, но и «высветить» смысл произведения: антиценности не исходят из сущностной природы человека, но инфернально насаждаются извне, а потому противодействие им требует большой стойкости и веры. Сам же человек способен спастись от дьявольского вмешательства, по мнению автора, путем продуктивной деятельности (на что указывает тот факт, что Евгений всегда забывал о Степаниде в те моменты, когда занимался хозяйством или проводил время с женой), а также благодаря вере и надежде на силы провиденья (которое несколько раз спасало Евгения от измены).

Таким образом, категории «смысл» и «ценность» можно рассматривать, как строящиеся на субъект-субъектных отношениях, что позволяет говорить не только о процессе смыслопостижения, но и проверке ценностных систем двух субъектов общения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Филатов А.В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 130-140.

- [2] Кожинов В.В. О различии эстетических и художественных ценностей // Контекст. Литературно-теоретические исследования. / Отв. ред. Н.К. Гей. М.: Наука, 1986. С. 155-177.
- [3] Фуксон Л.Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 266 с.
- [4] Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962-1978. Т. 6: Присказка. М.: «Советская Россия», 1971. С. 827.
- [5] Подковырин Ю.В. Инкарнация смысла в практике художественного письма: дис. д-ра филол. наук 5.9.3. Москва, 2024. С. 29.
- [6] Тюпа В.И. Смысл художественный. // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 238.
- [7] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 370.
- [8] Гартман Н. Эстетика / Под ред. А.С. Васильева. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 427.
- [9] Толстой Л.Н. Дьявол // ПСС. В 90 т. Т. 27. М.: Художественная литература, 1936. С. 481-517.